

Л. М. Артамонова*

**СУДЬБА ДИНАСТИИ РЕШАЛАСЬ ЗА ВОЛГОЙ: К 400-ЛЕТИЮ ПРИЗВАНИЯ
НА ЦАРСТВО МИХАИЛА РОМАНОВА И ПОДВИГА ИВАНА СУСАНИНА**

удьбоносные события в жизни нашей страны на протяжении ее истории не раз происходили не только в столицах, но и в глубинке или на окраинах. События подобного рода притягивали к себе и течение великой реки Волги. Пожалуй, это особенно проявилось в Смутное время начала XVII века, наполненное важнейшими происшествиями, случившимися и на Верхней, и на Средней, и на Нижней Волге.

Созыв народного ополчения в 1611 г. в Нижнем Новгороде, создание общенационального правительства («Совета Всея Земли») в Ярославле, освобождение Москвы в 1612 г. создали необходимые условия выхода из Смуты. Появившиеся возможности для такого выхода были закреплены в решениях Земского собора 1613 года, который избрал на царство Михаила Федоровича, основателя новой династии Романовых. Это избрание довершало воссоздание государственности, встретив поддержку не только участников Собора, но и основной массы населения страны. Внутреннее нестроение и иностранная интервенция в России на этом еще не закончились. Об этом, в частности, свидетельствовали события 1613-1614 гг., когда Самара стала форпостом правительственных сил против мятежников в Астрахани, волжских низовьях и на Яике, а также связующим пунктом для поддержания дипломатических контактов с Персией и странами Средней Азии¹. Однако легитимация верховной власти четко обозначила перевес сил, борющихся за национальную независимость, правопорядок, нормальные условия хозяйственной жизни.

Восстановление Российской державы, произошедшее в 1613 году, сопровождалось драматическими событиями на костромской земле, где укрывался в Лесном Заволжье будущий родоначальник 300-летней царской династии Михаил Романов, а в имении, принадлежавшем его семье, служил старостой крестьянин Иван Сусанин.

Взлет из политического небытия совсем молодого и далеко не самого знатного боярина, который совершенно не участвовал до того в государственной деятельности, до сих пор представляется не до конца объясненным. Ясно одно, что выбор Михаила Федоровича на царство не был случай-

---

* © Артамонова Людмила Михайловна - доктор исторических наук, профессор, директор социально-гуманитарного института Самарской государственной академии культуры и искусств.

** Исследование выполнено при поддержке Министерства образования и науки Российской Федерации, соглашение 14.В37.21.0004 «Обретение родины»: Средняя Волга и Заволжье в процессе развития российской цивилизации и государственности (вторая половина XVI – начало XX в.)».

ным. В сложившихся условиях он оказался единственной возможной кандидатурой, которая смогла объединить различные слои и группировки, вовлеченные в Смуту и представленные на Земском соборе 1613 года. Молодость же и отсутствие опыта государственного служения не рассматривались как препятствие к избранию на трон. Более того, они давали даже определенные преимущества. Никто не смог бы впоследствии сказать, что он служил в одних чинах с будущим царем, или тем паче, что тот был некогда у кого-нибудь из подданных под началом. К тому же все противоборствующие группировки могли питать надежду на то, что они смогут влиять на юного и неискушенного правителя, что тоже способствовало достижению компромисса.

Михаил Федорович, хотя и принадлежал по рождению к элите русского общества того времени, провел далеко не безоблачное детство и юность. Родившийся в 1596 г., он в малолетстве остался без попечения родителей. В 1601 г. царь Борис Годунов подверг род Романовых, своих опасных соперников в борьбе за власть, жестокой опале. Глава семьи, Федор Никитич Романов, двоюродный брат последнего царя из прежней московской династии Федора Иоанновича, был насильственно пострижен в монахи под именем Филарета. Пострижение закрывало ему путь к царскому престолу. Однако для пушей надежности его сослали из Москвы в северный Антониев-Сийский монастырь. Его жена Ксения Ивановна была также насильственно пострижена в монахини под именем Марфы и сослана. Малолетний Михаил остался на попечении тетушек.

Семья воссоединилась в 1605 г. после свержения Годунова. Однако в 1611 г. Филарет, ставший к тому времени влиятельным архиереем, был арестован и оказался в Речи Посполитой, а его жена и сын остались заложниками в московском Кремле, захваченном польско-литовскими интервентами.

Освобожденные вместе с другими пленниками ополчением Минина и Пожарского осенью 1612 г., мать с сыном покинули разоренную и небезопасную Москву. Они отправились в за Волгу в Кострому, в окрестностях которой находилось их имение с центром в с. Домнино. Это имение дочь костромского дворянина Ивана Шестова Ксения получила в приданое, когда выходила замуж за боярина Федора Романова. Местные жители ее хорошо знали и продолжали звать не монашеским именем, а по привычке «Оксиньей Ивановной».

Фактическое бегство Романовых из Москвы было связано не только с житейскими трудностями пребывания в разоренном городе, но и с тем, что многие ополченцы, освободившие столицу, считали всех русских, вышедших с поляками из Кремля, без разбору предателями. С большим трудом командирам народного ополчения удавалось удержать его участников от грабежей и расправ даже в отношении женщин и детей.

Была еще одна и не меньшая опасность. Победители сразу приступили к исполнению своего главного политического обещания. Началась подготовка к созыву Земского собора и выборам нового царя. Среди возможных кандидатов зазвучало и имя младшего Романова. Инокиня Марфа, уже поте-

рившая из своих шести детей пятерых, имела все основания опасаться, что враги и конкуренты не остановятся перед физическим устранением последнего из ее сыновей – 16-летнего Михаила.

В Кострому Марфа и Михаил прибыли в конце 1612 г. У Романовых, как и других богатых вотчинников и помещиков, в городе был свой так называемый «осадный двор» для проживания в случае военной угрозы. Убежище им мог предоставить и влиятельный Ипатьевский монастырь, стоявший неподалеку от Костромы. Однако уберечься от возможных наемных убийц на многолюдных городских улицах или в заполненной паломниками обители было трудно. Вполне естественным в этих условиях выглядел отъезд в свою Домнинскую волость, где чужой человек стал бы сразу замечен, или в отдаленный заволжский Макарьевский Унженский монастырь.

Врагам не надо было спрашивать торную дорогу в Кострому или в обитель святого Ипатия, чтобы разыскивать там хорошо известных мать и сына Романовых. Однако, если бы пришлось вести их поиск в запрятанных между лесами селениях Домнинской вотчины или на протяженной 120-верстной дороге на речку Унжу, делать это без проводников было бы затруднительно.

Что случилось дальше, из источников не совсем ясно. Ехали ли мать и сын вместе, или Марфа Ивановна осталась в Костроме, а в Домнино отправился один сын? Произошли ли одни из самых драматических событий в истории Смуты до паломничества на Унжу или при возвращении с нее? В преданиях и в документах присутствие Марфы в Домнине во время тех трагических событий не упоминается, но и отрицать такую возможность полностью нельзя.

Строго говоря, само Домнино, хотя и называлось селом, в начале XVII в. практически не было жилым. Его правильнее было назвать «погостом» - религиозным и административным центром округи. Здесь не было крестьянских дворов, а стоял храм с домом священника и находился барский двор Шестовых. На том дворе в отсутствие хозяев проживал и управлял их делами староста Домнинской волости Иван Сусанин².

Сам Иван, по преданиям, имел отчество Осипович и был родом из ближней деревни, которая называлась просто и незамысловато Деревеньки (или Деревнищи). Из его домочадцев нам достоверно известны дочь Антонида и зять Богдан Собинин, жившие в той самой д. Деревеньки. Поскольку нет никаких упоминаний о жене Сусанина, она к тому времени, видимо, уже умерла.

Михаил для Сусанина, как и для всех жителей вотчины, был не просто барин, а много и ни за что пострадавший отрок, о нелегкой судьбе которого и его матери было хорошо здесь известно. Патриархальный долг и христианское сочувствие требовали оказывать им всемерную помощь. Вероятно, что Сусанин знал и о том, что дело идет к избранию Михаила на царский трон. Это еще более усиливало его ответственность за судьбу молодого хозяина вотчины.

О дальнейших событиях рассказывает вполне достоверный основной письменный источник, каким является жалованная грамота потомкам Су-

санина. Она была написана 30 ноября 1619 г., когда Михаил, уже будучи царем, побывал на костромской земле, в т.ч. в Домнине. Здесь он встретился с непосредственными очевидцами и участниками событий, произошедших за семь лет до того. Согласно жалованной грамоте, зять бывшего старосты Богдан Собинин с потомками были пожалованы от царя освобождением от всех повинностей и податей **«за службу к нам и за кровь, и за терпение тестя его Ивана Сусанина»**. Изложение подвига лаконично, но не дает никаких поводов для кривотолков: «Как Мы, Великий Государь, Царь и Великий Князь Михайло Феодорович всея Руси в прошлом 121 году³ были на Костроме, и в те поры **приходили в Костромской уезд Польские и Литовские люди**, а тестя его, Богдашкова, **Ивана Сусанина в те поры Литовские люди изымали и его пытали великими, немерными пытками и пытали у него, где в те поры Мы, Великий Государь, Царь и Великий Князь Михайло Феодорович всея Руси были, и он Иван ведая про нас, Великого Государя, где Мы в те поры были, терпя от тех Польских и Литовских людей немерные пытки, про нас, Великого Государя, тем Польским и Литовским людям, где мы в те поры были, не сказал, а Польские и Литовские люди замучили его до смерти»⁴.**

Поскольку письменные документы молчат о подробностях подвига и трагедии в Домнинской волости, то назовем основные версии, когда и где именно она произошла. Эти версии учитывают, кроме письменных источников, устные предания, сохранившиеся в Костромском крае.

Время события приурочивается к ноябрю 1612 г. или к февралю 1613 г. Обе даты достоверны с точки зрения международной и внутривнутриполитической обстановки. Заграничные соседи, много лет активно вмешивавшиеся в русские дела, уже в ноябре знали, что Михаил Федорович рассматривался как одна из наиболее предпочтительных кандидатур на московский престол. В феврале же решение об его избрании стало наиболее вероятным исходом Земского собора⁵.

В любом варианте ноябрь или февраль были месяцами бездорожья, снежных заносов и необходимого поиска опытных проводников для пришлых людей. Местом, где произошли основные события, называют то Деревеньки, где, якобы, Сусанин и спрятал Михаила, а сам увел поляков отсюда, то непроходимое Исуповское или Чистое болото, куда он завел врагов на их и свою погибель, то село Исупово, к которому отряд неприятелей все-таки вышел после бесплодных поисков, когда опасность для Романова (или Романовых, если Михаил уехал из Домнинской волости с матерью) уже миновала и где сам Сусанин был казнен.

Последняя версия имеет документальное обоснование, правда, зафиксированное более века спустя. В указе императрицы Анны Ивановны от 19 мая 1731 г. говорилось: «В прошлом во 121 году приходил из Москвы из осад на Кострому ... великий Государь Царь и великий князь Михайло Феодорович с матерью своею великою государынею инокинею Марфою Ивановною и были в Костромском уезде в дворцовом селе Домнине, в которую бытность их Величества в селе Домнине **приходили Польские и Литовские**

люди, поймав многих языков пытали и спрашивали про него великого Государя, которые языки сказали им, что великий Государь имеется во оном селе Домнине и в то время... оного села Домнина крестьянин Иван Сусанин взят оными Польскими людьми, ... [которых – Л.А.] от села Домнина отвел и про него великого Государя не сказал и за то они в селе Исупове ... его пытали разными немерными пытками и, посадя на столб [кол – Л.А.], изрубили в мелкие части»⁶.

Если Иван Сусанин был прилюдно казнен в жилом селении, а не остался лежать на болоте, то можно полагать, что он был похоронен по православному обряду. Существуют два предположения по этому поводу. Одно – менее достоверное, что его останки были перезахоронены в Ипатьевском монастыре. Среди местных жителей же и краеведов более распространенным было мнение, что перезахоронение произошло у старинной деревянной церкви в Домнине, стоявшей когда-то на кладбище у современного каменного храма.

По версии, изложенной в процитированной выше грамоте 1731 года, Михаил Федорович, предупрежденный о незваных гостях Сусаниным через его зятя Собинина, того самого, который затем обратился к царю с просьбой о пожаловании за подвиг тестя, укрылся в Ипатьевском монастыре. Есть другое мнение, что резиденцией Романовых стал их городской двор в Костроме. В монастырь же инокиня Марфа и Михаил, приученные жизненными потрясениями полагаться на Бога, перебрались перед Великим постом 1613 года в силу обычая, чтобы именно в святой обители предаваться молитвам, покаянию и строгому воздержанию⁷.

В любом случае нападение польско-литовского отряда и гибель Ивана Сусанина показали ненадежность лесной романовской вотчины как убежища. Михаил Федорович с матерью обосновались в Ипатьевском монастыре, что оказалось решением правильным, хотя и неожиданным, поскольку эта обитель поднялась и процвела под покровительством их злейшего врага Бориса Годунова. Именно здесь Романовы дождались новостей о решении Земского собора.

В Москву депутаты Собора в достаточном количестве (более 700 чел.) съехались в январе 1613 г. На Соборе между боярскими и княжескими родами, их окружением и сторонниками развернулась острая политическая борьба, несмотря на все усилия духовенства, которое постом и молитвами пыталось успокоить бушевавшие страсти. На престол стремились взойти представители знатнейших княжеских семей, восходивших к Рюриковичам или Гедиминовичам: Иван Воротынский, Дмитрий Пожарский, Федор Мстиславский, Иван Голицын, Дмитрий Трубецкой и др. Еще опасней из-за угрозы продолжения интервенции и гражданской войны были претензии не отказавшихся от русского престола шведского и польского королевичей, а также сына Марины Мнишек и Лжедмитрия II Ивана, прозванного в народе «Ворёнком».

Правда, на первом же заседании Собора было достигнуто единодушное мнение, чтобы не выбирать никого из иноземцев и не допускать к выбо-

рам незаконного сына католички и авантюристки Марины. Впрочем, и к тем, кого считали «своими», тоже имелись претензии и возражения. Голицын находился в польском плену. Воротынский был стар. Мстиславского подозревали в предательстве полякам. Руководители Первого и Второго ополчений Трубецкой и Пожарский считались недостаточно родовитыми. Кроме того, они не очень ладили друг с другом и с другими представителями знати. Многие участники Собора опасались, что знаменитые военачальники будут и впредь прибегать к привычным им «силовым» методам управления, окажутся недостаточно гибкими в условиях, когда надо было добиваться национального примирения.

Решение отстранить от выборов кандидатов-иностранцев и очевидных авантюристов-самозванцев повышало степень личной опасности для Романовых. Лишившись возможности легально заполучить московский престол, интервенты готовы были на все, чтобы сорвать работу Земского собора, на благоприятное решение которого им теперь нельзя было рассчитывать даже теоретически. Им оставался единственный способ помешать невыгодному волеизъявлению Собора – физически устранить реальных претендентов из русской знати. В этом контексте и следует рассматривать нападение на дальнюю и небогатую костромскую вотчину Романовых, вряд ли особенно привлекательную для обычных грабителей и мародеров. При таком подходе оказывается, в общем, не столь важным ответ на вопрос, когда именно было организовано покушение на жизнь Михаила Федоровича, произошло ли оно на одного из потенциальных претендентов на престол, или на уже избранного царя.

В феврале 1613 г. долгие и зашедшие, было, в тупик споры на Соборе о возможных кандидатах на престол неожиданно были переломлены в пользу Михаила Федоровича. Объяснения этому факту требуют отдельного рассказа. Для нас сейчас важно то, что обязательным условием сохранения компромисса, с трудом достигнутого между сословиями и землями на Соборе, становились жизнь и здоровье молодого Романова. Без этого боевые победы народного ополчения и усилия по созыву общероссийского представительного собрания могли быть умалены новыми распрями и продолжением Смуты. Спасение Михаила от покушения сыграло свою роль в борьбе за восстановление государственности России.

21 февраля 1613 г., в первое воскресенье Великого поста, состоялись окончательные выборы. Московская делегация 2 марта отправилась в Кострому и Ипатьевский монастырь добиваться согласия Михаила Федоровича, избранного Собором, на принятие царского венца. Это было далеко не формальным делом. Юному Романову и его окружению, состоявшему в Костроме в основном из женщин, следовало тщательно взвесить дальнейшие шаги, например, подумать, не приведут ли они к расправе над оставшемся в польском плену отцом, достаточно ли сил у новой власти обеспечить безопасность ему самому и его близким. Соборное посольство, отправившееся за Волгу, через уговоры духовных лиц получило 14 марта согласие как сына, так и матери. Можно предположить, что на решение Рома-

новых оказал моральное воздействие и поступок Ивана Сусанина, который явил пример безусловного следования долгу и вере. 11 июня 1613 г. в Успенском соборе Московского Кремля состоялось венчание Михаила Федоровича на царство, знаменовавшее приход к власти новой династии.

Устоял ли бы зыбкий консенсус, достигнутый на Соборе, в случае гибели молодого Романова? Как повернулся бы ход истории, если бы Иван Сусанин не показал смётку и стойкость? Совершенно понятен интерес историков, поэтов, писателей, художников, композиторов, общественных и государственных деятелей к оценке героического поступка Ивана Сусанина, вокруг которого продолжается борьба мнений и оценок. Впрочем, в XVII-XVIII вв. никаких споров не велось. Факт подвига никак не использовался в политической или идейной борьбе, не подвергался сомнению. Он в основном касался взаимоотношений потомков Михаила Федоровича и Ивана Сусанина.

Признание жертвенного подвига Сусанина российские самодержцы из рода Романовых подтверждали неоднократно наряду с привилегиями его наследников. Начало положил тот же Михаил Федорович, издав через 15 лет после первой грамоты еще одну в 1633 г. Его мать завещала Домнинскую волость московскому Новоспасскому монастырю. Тогда в обмен на половину земель д. Деревнищи, которой владели в этой волости потомки Сусанина и из-за чего у них возник спор с монастырем, царь отдал им взамен равноценную пустошь Коробово. Он указал владеть ею дочери Сусанина и ее потомкам, вновь повелев не брать с них никаких податей⁸. Потомки Сусанина вплоть до 1917 г. составляли в Российской империи особое сословие «коробовских белопашцев». Их льготы подтверждались особыми указами Петра I, Анны Иоанновны, Екатерины II, Николая I.

Особое внимание коробовцам уделяли в юбилейный 1913 год. Даже близкая Самара вспомнила о них в своих изданиях. «Волжское слово»⁹ сообщало не без присущей этому либеральному изданию иронии в адрес действий властей и официальных чествований: «Триста лет коробовцы живут милостями. Это – единственный регулятор в жизни села. Здесь исчисляют эпохи – от милости до милости... Там, где требуется официальное представительство крестьян, – коробовцы в первом ряду. Они – почетные представители при коронациях. В церемонии представлений и шествий у них особое место. И у себя на родине их не забывают. И здесь они при всех проездах и приездах высокопоставленных лиц... Белопашцы – надежный щит костромской администрации. Так сказать «алмаз» в кокарде костромского губернатора... Теперь, в особенности, белопашцы все в почете. В Костроме работают все наличные археологические силы над изысканиями в истории коробцев»¹⁰.

Интерес к личности Ивана Сусанина стал заметно расти в условиях национального подъема, вызванного Отечественной войной 1812 года. Сначала К. Кавосом была написана опера «Иван Сусанин», премьера которой прошла в Петербурге 19 октября 1815 г. Вторая опера, где героем стал Сусанин и которая признана первой русской классической национальной опе-

рой, была создана М.И. Глинкой. Первоначально она, как и опера Кавоса, называлась «Иван Сусанин», но Николай I пожелал дать ей название «Жизнь за царя», под которым опера была поставлена в Петербурге в 1836 г.

Образ Ивана Сусанина в своей пропаганде пытались использовать первые русские революционеры. В 1822 г. появилась известная дума о Сусанине К.Ф. Рылеева, одного из вождей будущих декабристов.

Память о Сусанине чтит церковь. В 1858 г. в Коробове был освящен каменный храм во имя Иоанна Предтечи, святого покровителя Ивана Сусанина, построенный по распоряжению Николая I за счет казны. В д. Деревеньки близ Домнина на том месте, где, по преданию, стояла сусанинская изба, началось в 1911 г. строительство памятной часовни, освященной в 1913 г. До революции ежегодно 29 августа (11 сентября по новому стилю) в день церковного праздника Усекновения главы Иоанна Предтечи служилась панихида об упокоении души Ивана Сусанина¹¹.

Все же активнее других эксплуатировала этот образ в развернувшейся идейной и политической борьбе XIX – начала XX вв. царская власть. После пребывания в Костроме в 1834 г. императора Николая I было решено соорудить в городе памятник Сусанину. Памятник был заложен на центральной площади, переименованной по этому случаю в Сусанинскую, и торжественно открыт 14 марта 1851 г. Это был день, когда Михаил Федорович в 1613 г. дал свое согласие принять царство на встрече с делегацией Земского собора в Ипатьевском монастыре. Автором памятника был известный скульптор и ректор Академии художеств В.И. Демут-Малиновский. На гранитной колонне памятника находился бронзовый бюст Михаила Романова, а у подножья колонны стояла коленопреклоненная фигура Ивана Сусанина, сцена гибели которого разместились в виде барельефа на постаменте.

Такая композиция отвечала своему времени, но после революции стала восприниматься как одиозная. В 1918 г. памятник был разрушен.

Против героизации Ивана Сусанина противники официальной идеологии и существующей власти ополчились еще в середине XIX в. Опорой скептиков стало «историческое исследование» Н.И. Костомарова, в котором он посчитал достоверным «только то, что этот крестьянин был одною из бесчисленных жертв, погибших от разбойников, бродивших по России в Смутное время; действительно ли он погиб за то, что не хотел сказать, где находился новоизбранный царь Михаил Федорович, - это остается под сомнением...» Царистское и патриотическое звучание чествования Ивана Сусанина раздражало Костомарова как интеллигента, близкого к революционерам-демократам и украинским националистам. Он связывал героизацию этого образа с «теорией официальной народности», считая, что лишь в XIX в. «сусанинский эпизод был раскрашен цветами воображения и поднят на ходули; но это миф литературный, книжный, а отнюдь не народный»¹².

В полемику с Костомаровым вступили такие авторитетные историки как С.М. Соловьев и М.П. Погодин¹³. Коллеги указали на основную ошибку построений Костомарова, который, не пытаясь отрицать существование царской грамоты 1619 года, объявил ложным ее содержание. Родне Сусани-

на вряд ли пришло бы в голову обманывать царя, в чем их подозревал Костомаров, тем более их слова из-за небольшой давности событий легко было проверить. Впрочем, спор о Сусанине, в который включились другие исследователи того и последующего времени, принес несомненную пользу, стимулировав исторические исследования по данной тематике.

К сожалению, научную аргументацию в лихие времена подменяли другие методы. В 1938 г. был расстрелян самый активный и эрудированный сторонник героико-патриотической трактовки поступка и образа Ивана Сусанина – костромской историк и краевед Н.Н. Виноградов. Он, в частности, смог опровергнуть утверждение Костомарова о незнании интервентами хода обсуждения кандидатуры Михаила Федоровича на Земском соборе и об отсутствии польско-литовских отрядов в Костромском крае во время пребывания там Романовых¹⁴.

В советские времена печальная судьба постигла еще один монумент в той же Костроме – памятник 300-летию династии Романовых (скульптор А.Х. Адамсон). Среди его фигур был и Сусанин, умирающий у ног богатырки России. Статуи отправили на переплавку, а на постамент установили Ленина.

Из монументов дореволюционной России изображение Сусанина уцелело только на памятнике «Тысячелетие России», воздвигнутом в 1862 г. в Великом Новгороде. Этот памятник остался после 1917 г. также единственным, сохранившим изображения первого царя из династии Романовых, поскольку остальные были уничтожены. Судьбы царя и крестьянина переплелись даже на памятниках, разделив общие времена возвеличивания и забвения.

При советской власти Сусанинскую часовню в Деревеньках превратили в зерносклад, Успенский храм в Домнине закрыли. Заброшена и осквернена была Христорожественская церковь в с. Прискокове, прихожанами которой были «коробовские хлебопашцы» до появления у них собственного храма и рядом с которой были похоронены дочь Сусанина Антонида, его внуки и другие потомки. Храм Иоанна Предтечи в Коробове был полностью разрушен.

Приближение большой войны с фашистской Германией заставило советское руководство поднять из забвения идеи патриотизма. Ивана Сусанина вспомнили в книгах, учебниках, журналах и газетах. Правда, при этом умалчивалась связь крестьянина с царем, а подвиг трактовался вне конкретной исторической ситуации.

Опера М.И. Глинки, с революции не ставившаяся в театрах СССР, была восстановлена с заметными переделками в либретто, из которого исчезли все упоминания о царе Михаиле Федоровиче, Ипатьевском монастыре и т.п. Премьера этой оперы под названием «Иван Сусанин» состоялась в Москве в 1939 г. В том же году «по просьбам трудящихся» указом Президиума Верховного Совета РСФСР старинное село Молвитино, воспетое в бессмертной картине А. Саврасова «Грачи прилетели», центр района, включающего основные «сусанинские» места Костромской области, было переименовано в Сусанино.

В 1967 г. в Костроме появился новый памятник Ивану Сусанину (скульптор Н.А. Лавинский). Он совсем не похож на прежний, выполнен в стилистике советской монументальной пропаганды и установлен над съездом к Волге, т.е. на другом месте, чем произведение Демут-Малиновского, стоявшее в центре главной городской площади. Памятник лишён не только монархических и религиозных, но и каких-либо конкретных исторических символов. Вся композиция состоит из фигуры крестьянина в долгополой одежде на массивном цилиндрическом постаменте с надписью, которая гласит: «Ивану Сусанину - патриоту земли русской». Статуя и облицовка постамента изготовлены из природного камня.

В 1977 г. статус «памятника природы» был присвоен Чистому болоту, благодаря чему оно было спасено от торфоразработок. В 1988 г., когда отмечалось 375-летие подвига Сусанина, на возвышении над Чистым болотом был установлен памятный знак в виде огромного валуна с надписью: «Иван Сусанин. 1613». В том же году неподалеку от Чистого болота и с. Домнино в райцентре Сусанино в помещении Воскресенской церкви был открыт музей. Он получил официальное название «Музей подвига Ивана Сусанина».

С военного 1943 года в Домнине возобновились службы в Успенской церкви, возведенной в 1810-1817 гг. на месте барской усадьбы Шестовых – Романовых, где служил Иван Сусанин. Позднее была отреставрирована мемориальная часовня на месте исчезнувшей д. Деревеньки, где в 1990 г. после долгого перерыва прошел первый молебен. 8 мая 1993 г. патриарх Алексей II отслужил заупокойную литию по Ивану Сусанину у часовни в Деревеньках и молебен в Успенском храме Домнина. В 1994 г. близ этого храма в ограде приходского кладбища был торжественно освящен деревянный крест, установленный на месте предполагаемого захоронения Сусанина. Вновь действует храм в Прискокове.

С 2009 г. в Костромской области восстановлено поминовение Ивана Сусанина в день Усекновения главы Иоанна Крестителя 11 сентября (29 августа по ст. стилю). Возможно, это станет первым шагом к канонизации героя-мученика. На встрече с костромскими студентами в 2002 г. патриарх Алексей II не отрицал такую возможность. Глава РПЦ справедливо отмечал, что «объем сохранившихся исторических сведений о его жизни и подвиге весьма ограничен», но выражал надежду, что работа по изучению исторических сведений о судьбе Ивана Сусанина будет продолжена. Историкам и краеведам остается только согласиться с этими словами патриарха. Впрочем, как бы ни решился вопрос о прославлении Сусанина в лике святых, он давно почитаем русскими людьми как народный герой и пример истинного патриота Отечества.

Нынешнее празднование 400-летия освобождения Москвы силами народного ополчения говорит о том, что к народу возвратилась его историческая память. Политические пристрастия и идейные воззрения не мешают ныне объективному пониманию роли как царя, так и крестьянина, которую они сыграли в окончании Смуты начала XVII века. Перекрестье их

судеб символично. Они встретились только раз в жизни и только для того, чтобы одному отдать жизнь за другого. Подчеркнем, что гибель домнинского старосты была не случайной от рук незнамо откуда забредших лихих людей, а следствием сознательного его выбора как человека долга, верующего в Бога и любящего Отечество. Подвиг Ивана Сусанина по-своему помог разрубить гордиев узел династического кризиса и государственного нестроения, ускорить выход страны из страшного социально-политического кризиса. Так же помогли этому воинское и гражданское мужество ополченцев Минина и Пожарского, приход к спасительному компромиссу словных представителей на Земском соборе, готовность юного, но подготовленного жизненными испытаниями Михаила Федоровича принять на себя тяжелую ответственность за державу и ее народ.

Подвиг Ивана Сусанина явился одним из самых ярких проявлений народного единства, спасшего Россию от катастрофы. Два человека с совершенно разными судьбами царя и крестьянина навсегда будут стоять рядом в нашем прошлом как символы избавления от Смуты. Этому не могли и не могут помешать ни переплавленные памятники, ни оскверненные святыни, ни попытки отредактировать историю в чьих-то политических или корыстных интересах.

Примечания

¹ См.: Смирнов Ю.Н. Разгром авантюры И. Заруцкого в Поволжье в 1614 г. // Социально-экономическое развитие и классовая борьба на Южном Урале и в Среднем Поволжье (дореволюционный период). Уфа, 1988; Смирнов Ю.Н., Дубман Э.Л. Самара в Смутное время // Центр и периферия. 2009. № 1; Смирнов Ю.Н. Роль Самарской крепости в событиях Смутного времени начала XVII в. на юго-восточных границах России // Зубовские чтения. Вып. 4: памяти выдающегося ученого А.И. Комеча. Александров, 2010.

² Зонтиков Н.А. Иван Сусанин: легенды и действительность. Кострома, 1997. С. 27.

³ 121-му, а точнее 7121-му году древнерусского счета лет «от сотворения мира» соответствует в современной эре «от Рождества Христова» временной промежуток между 1 сентября 1612 г. и 31 августа 1613 г.

⁴ Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в Государственной Коллегии иностранных дел. М., 1822. Ч. 3. С. 214-215.

⁵ Виноградов Н.Н. Могли ли польские отряды, действовавшие в пределах нынешней Костромской губернии, до 14 марта 1613 года узнать о предполагаемом или уже совершившемся избрании на царский престол Михаила Феодоровича? // Материалы по истории, археологии, этнографии и статистике Костромской губернии. Вып. VIII. Кострома, 1915. С. 3-5.

⁶ Самарянов В.А. Памяти Ивана Сусанина, за Царя, Спасителя Веры и Царства, живот свой положившего в 7121 (1613) году. Кострома, 1882. С. 69-70.

⁷ Волкова Е.Ю. Жизненный путь Михаила Романова к престолу и Костромской край // II Романовские чтения. Центр и провинция в системе российской государственности: материалы конференции. Кострома, 2009. С. 229.

⁸ Самарянов В.А. Памяти Ивана Сусанина. С. 71.

⁹ Курмаев М.В. Периодическая печать Среднего Поволжья (до 1917 г.) // «Седьмые Азаровские чтения. Библиотека в информационной среде региона: стратегии формирования и поддержки»: Всерос. науч.-практ. конф. Самара, 2011. С. 199.

¹⁰ Волжское слово. 1913. 24 января. № 20.

¹¹ Годовой отчет Александровского Православного Братства в г. Костроме за 1913 г. Кострома, 1914. С. 6.

¹² Костомаров Н.И. Иван Сусанин // Костомаров Н.И. Собрание сочинений: в 8 кн. СПб., 1903. Кн. 1. Т. 1. С. 265-280.

¹³ Соловьев С.М. История и современность // Наше время. 1862. 12 апреля; Погодин М.П. За Сусанина // Гражданин. 1873. 12 ноября. № 46.

¹⁴ Виноградов Н.Н. Об Иване Сусанине. Были ли польские отряды в районе Костромской губернии в 1612-1613 гг.? // Материалы по истории, археологии, этнографии и статистике Костромской губернии. Вып. VIII. Кострома, 1915.